

Русалка

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Михаил Блатник

Ссылка на публикацию

Это был самый счастливый, самый удивительный и самый досадный случай в моей молодости. Я участвовал в небольшой экспедиции по изучению флоры Крыма. На турбазу "Юность" в Алушту приехал заблаговременно. Два дня было выделено на организацию всего необходимого, а дальше - увлекательное путешествие: двухнедельный поход по горным тропам с ночёвками в палатках, легендами у костра, пропахшее дымком варево, гербарии и другие радостные тяготы кочевой жизни. Августовское солнце, будто прощаясь с летом, немилосердно распекало всё, что под ним. Даже в тени было душно и не слышно морской прохлады. В десяти шагах от пляжа прохладный морской бриз превращался в горячий ветер пустыни. Второй день моих хлопот выдался таким же ясным и жарким. Ни единого облачка на выгоревшем от зноя сизовато-голубом небе. С делами я управился к полудню и решил ознакомиться с окрестностями. Взгляду со стороны пляжа открывалась грандиозная картина: семиэтажное здание турбазы с широкими лоджиями и огромными, открытыми к морю окнами, было не больше спичечного коробка. Гигантским амфитеатром за ним толпятся округлые, поросшие густой растительностью древние горы. Выглядывая друг из-за друга, молчаливые великаны тысячелетиями с нескрываемым любопытством наблюдают за деяниями людей. Справа по предгорью курчавится светло-зелеными рядами посаженный людьми молодой

сосенник, а левее и ближе к морю белеет узкой полосой длинный камень, за которым до бесконечности сияет водная гладь моря. В послеполуденную пору она весело пляшет мелкими блестками, серебрясь до самого края, до слепящего зыбкого горизонта. А горы, точно высматривая кого-то, угрюмо громоздятся, круто нависая из-под белёсой голубизны и, подступают так близко, что, кажется, можно до них дотянуться рукой. Окрыленный такой близостью гор и тем, что до вечера ещё далеко, я начал пробираться всё дальше по пологому склону предгорья, петляя между цепкими кустами терновника в надежде увидеть горы поближе. Но самодовлеющие великаны неуклонно отдалялись с каждым шагом, а жара досаждала все сильней. Не спасал и низкорослый густой кустарник. Каменистая почва дышала жаром. Слепящий зной и слезы выедали глаза, и даже трудно было дышать, хотя совсем недалеко искрится лучезарная прохлада. Там на пляжах загорают, купаются, веселятся - одним словом - развлекаются люди. И в хозяйственном дворе турбазы течёт своя жизнь: подъезжают груженые и отъезжают пустые грузовики. Из открытых настежь окон кухни, доносятся оклики и заливистый девичий смех работниц. Разрумянившиеся от горячей плиты, они трудятся, мечтают об отдыхе, но чему-то радуются, шутят, веселятся. Я же, называется, отдыхаю - загнал сам себя в это скалистое пекло и по собственной воле страдаю. "Ох, несчастны мы люди всегда, в любое мгновение жизни и при любых обстоятельствах! Ибо когда желания рисуют нам идеал счастья, они, эти желания, сочетают наши нынешние обстоятельства с удовольствиями, нам сейчас недоступными. Но вот мы обрели эти удовольствия, а счастья не прибавилось, оно сменилось разочарованием, потому что изменились обстоятельства, а с ними и наши желания". После такого неутешительного размышления, я решил вернуться назад к морю только не на пляж, где шум, гам и полно народу, а куда-нибудь подальше от сутолоки. Пробираясь к сосеннику я наткнулся на странный каменный уступ. За ним мне открылась широкая дорога. Она тянулась вдоль сосенника и была примечательна только тем, что пустынна и длинна. Прогулка по ней не предвещала ничего особенного, и всё же я пошел посмотреть, куда она ведёт. Дико, мертво и голо было на этом древнем, мощеном большими плитами пути, которым не пользовались, вероятно, от времён Александра Великого. Никаких признаков теперешней жизни нигде не видать. Всюду жухлая, выгоревшая поросль между плитами, сквозь которую местами пробивается жидкая зелень да пронзительный стрекот кузнечиков и цикад. Как же неумолимо и безжалостно время! Оно ничему и никому не подвластно! Даже следов былой жизни не сохранилось. Какие тут катились колесницы, скрипели кочевые кибитки и грузные арбы? Какие люди кочевали?.. - останется вечной загадкой. Одни кузнечики трещат неугомонно, как в те времена, когда рабы римлян с непокрытыми головами мостили эту дорогу тяжелыми плитами из серого гранита под таким же палящим солнцем. Это в школьных учебниках всё просто,

героически да гладко. А на самом деле?! Кто скажет в точности, сколько здесь крови и слёз было пролито?.. Всё забывается и всё проходит. И не бывает ни вечных радостей, ни бесконечных печалей. Тракт, по которому я одиноко влачился, неожиданно широкой дугой стал заворачивать и медленно подниматься в горы. Усталость, духота, изнуряющее сипение цикад и назойливые грустные размышления, навеваемые диким запустением, вконец измучили меня. Терпение моё иссякло, и я резко повернул в сосенник, за которым совсем близко призывно плещется живительная прохлада. И, раздвигая упругие лоснящиеся метёлки сосенок, я напрямик пошёл к морю, пока случайно не набрёл на едва заметную тропку. Почти прямая, она быстро привела меня на каменное плато. Узкое, длинное, удивительно цельное, плато надёжно отделяло юные весело посвистывающие на лёгком бризе деревца от печального рокота древней стихии. Один конец этой каменистой равнины упирается в отдаленную серую скалу, а другой спускается широкими уступами к морю. Правильная дуга камня отделяла тихую уютную бухточку. Солнце низко висело над горами. Нигде ни души. Нагишом я бросился в воду. ´Какое счастье! Сплошное блаженство!.. Но солнце вскоре закатилось за вершину горы, и сразу засквозил прохладный ветерок. Я выбрался из воды, накинул сухую одежду и уселся на нижней гранитной ещё теплой ступени. Передо мной раскинулся бесконечный блистающий простор: вверху - дымчато-голубой, внизу - зеленовато-синий. В небе - пусто и на море - пусто. Пустота и подо мною: твердая и бесплодная. Одна вода радовала своей удивительной живостью и ясностью. В ней была совершенная чистота и прозрачность. А в надвигающихся нежных сумерках эта чистота придавала особую резкость и блеск всему, что находилось в её толще и даже на самом дне. Каждый валун светился белыми разводами причудливых полос, а дымчатые медузы вольно парили над ними, как сказочные дива. Необыкновенна прелесть и первозданность моря особенно в эту пору, когда отражённый чистыми небесами свет ещё ясного за горами солнца, ровно падает на спокойную воду. Умиротворённый увиденным, я был полон безразличия, спокойствия и восхитительной безответственности. Такое настроение, казалось, царило повсюду. Даже море всё тише бурлило и гремело своими глянцевыми буграми мертвой зыби, будто размышляло: - Стоит ли стремиться куда-то, бесполезно сокрушаясь о камни, если можно прожить и так?.. Ветер тоже затих. Одни медузы не знают ни минуты покоя. Они: то удаляются, то приближаются. Они то и дело погружаются в бездну видимо желая проникнуть в тайны тёмных глубин, а затем выплывают назад и собираются в кружок, как бы сообщая, друг другу: "А, ничего там нет!.. Совсем ничего!´ - и медленно расплываются в разные стороны в свои тихие заводи. Сутки степенно уходят на покой под покрывало тьмы. Одно-единственное желание тогда овладевает вами в таком месте: смотреть на море, уносясь в беспредельную даль в своем воображении то, мурлыча давно знакомую песню, то сонно кивая головой. Неожиданно

послышался необычный всплеск. Потом ещё и ещё. Я повернулся на звук. От неожиданности вздрогнул. Словно сотканная из желтоватой морской пены, в эту уютную бухточку плыла нагая женщина. Страх, недоумение и растерянность охватили меня. Неприятный холодок пробежал по спине. "Сирена!.." - первое, что пришло мне на ум. И неудержимое любопытство овладело мной. "А где же хвост и чешуя?! Нет ни того, ни другого, а всё как у женщины, за гибкой талией округлые крепкие бедра и ноги... Поразительно! Ну, всё как у женщины! Не может быть! И каждое движение живое. А сколько плавности, сколько линий, сколько мягкости, изящества и грации! Не сон ли это?.." Но тут плывунья привычно выбралась из воды, легко взобралась на давно знакомую ей каменную плиту и без малейшего смущения слегка улыбаясь, встала передо мной во всей красе наготы своей. Я остолбенел. Она стояла в тончайшей голубой тени. Её молодое правильное сложение поражало безупречностью. Длинная шея, покатые плечи, тонкая талия, юная томность в больших глазах и роскошные чёрные волосы - всё вызывало томящее беспокойство. Видимо увидела она меня давно, ибо стояла свободно, слегка поводя бедрами и помогая узкими по-девичьи нежными ладонями скатываться каплям воды по шее, груди, животу. Она доброжелательно глядела на меня загадочными тёмными глазами и улыбалась. Она улыбалась и сводила с ума не только своими бедрами, но и томностью глаз, и лиловостью губ и всей прелестью молодого лица и свежестью здорового тела. "Поразительная простосердечность! Простосердечность во всем: и в этом временном оцепенении, и в молчании, и в выжидательности". - Ты кто?.. - вырвалось с хрипотцой у меня. - Русалка я, русалка!.. - открывая широкой искренней улыбкой великолепной белизны зубы, мягко ответила она. И так ловко мотнула головой, что шикарные волосы её, описав дугу в воздухе, собрались тугими прядями на спине, а мне в лицо - туман солёной влаги. Отжала их, спокойно нагнулась, будто перед ней не мужчина, а каменный истукан, достала из щели между серыми камнями, где я сидел, такой же серый пакет непринужденно накинула на прохладное влажное тело лёгкий пляжный халатик с сиреневыми разводами по голубому фону и неспешной поступью прошла мимо. Я оглянулся ей вслед. Она тоже оглянулась на мгновенье. Дружелюбная улыбка досталась мне на память перед тем, как словно видение, Наяда растаяла на той же тропинке, что привела меня сюда. А я, точно заколдованный неведомою силой сидел, боясь пошевелиться в надежде, что она вернётся. Но...